

Валерий Герланец

Валерий Ильич Герланец – известный в Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

В 2007 году «За духовное воспитание подрастающего поколения страны» писатель был награждён «Почётным Знаком» Украинской православной церкви Московского патриархата, в 2009-м удостоен почётного звания «Золотое перо Донбасса», а в 2010-м – отмечен медалью А. С. Грибоедова Московской городской организации Союза писателей России.

Большой вклад также внёс в краеведческую литературу, участвуя в многотомном книжном проекте «Донецк в лицах» и написав ряд книг о родном крае и его людях: «УкрНИИВЭ – вчера, сегодня, завтра (1957–2007)», «Дорогу осилит идущий...», «Донецкий политех в моей жизни», «Прокофьев», «Театр и кино Донецкого края (вторая половина XIX в. – 2020 г.)».

Ряд прозаических и поэтических произведений давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

ИНКОГНИТО В СОНЦОВКЕ

Бывал ли Сергей Прокофьев в родном селе на Донбассе после возвращения из эмиграции?

Вот уже более трёх десятилетий автор этих строк системно и скрупулезно изучает жизнь и творчество величайшего композитора, пианиста и дирижёра XX века Сергея Прокофьева. Были проанализированы как его мемуары, письма, фотоархив, так и воспоминания современников, многочисленные статьи, рецензии, музыковедческие материалы. Вся эта пёстрая мозаика из различных фактов, свидетельств, подлинных, а подчас и мифологизированных историй превратилась в итоге в живой многомерный портрет музыкального гения, чьё творческое наследие до сих пор востребовано всем цивилизованным миром. Даже осатанелому коллективному Западу, решившему сделать Российскую Федерацию мировым изгоем, не удаётся убить интерес людей к российской культуре, в том числе и к творческому наследию Сергея Прокофьева. В результате моих изысканий и анализа появился цикл биографических и краеведческих статей о композиторе, за которые я был в своё время удостоен звания лауреата премии им. С. С. Прокофьева, а также написана реально-ирреальная драма «Прокофьев», отмеченная лауреатским дипломом Международного Волошинского литературного конкурса в Крыму.

За свою не столь уж длинную цивилизационную историю Донбасс дал отечеству и миру много выдающихся личностей, но первым в этом длинном ряду был и продолжает оставаться Прокофьев, появившийся на свет в затерянном в степях селе Сонцовка. В тринадцатилетнем возрасте музыкально одарённый мальчик поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию и покинул малую родину. В Сонцовку, где оставался его отец, Сергуша приезжал из столицы только в летнее время на каникулах. О своей детско-юношеской поре в родном селе Сергей Сергеевич достаточно подробно описал в «Автобиографии» и «Дневнике». Однако в последующие годы композитор о Сонцовке практически не вспоминал и больше туда не приезжал. Хотя этот факт так и остался под большим вопросом у его биографов и музейных работников. Во всяком случае, прямых сведений о том, что композитор

Сонцовские друзья детства композитора – Яков Маслов и Евмен Голиков объясняют Михаилу Бабкову (крайний справа), как располагались постройки в усадьбе Прокофьевых, июль 1960 г.

Композитор С. Прокофьев с кинорежиссёром С. Эйзенштейном

побывал в родном селе после 1910 года (в этом году умер его отец), я ни в одном из сохранившихся источников информации, находящихся в свободном доступе, так и не нашёл.

Вот тогда мне и пришла мысль (было это лет 15 назад) обратиться к скрипачу и музыковеду Михаилу Бабкову. Именно этот человек, работавший в 1950–1980 годах в Донецке (до 1961 года – Сталино), разгадал тайну села Красного, которое в дореволюционный период называлось Сонцовка и административно входило в Екатеринославскую губернию. Опять же, именно Михаил Григорьевич стал инициатором увековечивания памяти композитора на его малой родине, строительства здесь музея и концертного зала. Впоследствии неутомимый пропагандист прокофьевского творческого наследия переехал из Донецка в Кисловодск, где и проживал, активно сотрудничая с местными газетами и журналами.

В своё время донецкие органы власти поддержали инициативу Михаила Бабкова. В 1991 году к столетнему юбилею композитора в с. Красное (с 2016 год – с. Сонцовка) открылся его музей с небольшим концертным залом, а на площади перед музейным зданием установлен памятник, созданный народным художником Украины Василием Полоником. Этот комплекс стал филиалом Донецкого областного краеведческого музея и многие годы пропагандировал жизнь и творчество родившегося на донецкой земле композитора. Свою научно-просветительскую функцию филиал продолжал до тех пор, пока после произошедшего в Киеве государственного переворота обандеренная Украина не взяла курс на оголтелую русофобию. Дошло даже до того, что прокофьевские произведения стали стремительно исчезать из репертуаров украинских музыкальных театров, филармоний и школ искусств...

Но вернусь к Михаилу Григорьевичу Бабкову. Через его бывших коллег удалось с ним списаться и задать столь интересовавший меня вопрос: известно ли ему что-либо о поездке Прокофьева в родное село в предвоенные годы, или это не более чем слух? Где-то спустя месяц я получил от человека, знавшего о композиторе, казалось бы, абсолютно всё, ответное письмо. Причём достаточно объёмное и в определённой степени интригующее. Долгое время я его не обнаруживал, пока не пришёл к выводу, что предположение музыковеда вполне имеет право на существование. А так ли всё было на самом деле или нет, покажут дальнейшие исследования жизни и творчества моего великого земляка. Кстати, на сегодняшний день опубликована лишь часть его дневниковых записей и писем, всё остальное он ещё при жизни запретил публиковать до 2050 года. Так что архивы Сергея Сергеевича, большая часть которых осталась за рубежом, думаю, хранят много интересного и неожиданного.

Но давайте вернёмся к гипотезе, высказанной Бабковым. Он пишет, что, покинув в 1918 году Россию, Прокофьев скитался по свету, завоевав признание и мировую славу.

Музей Сергея Прокофьева с концертным залом в с. Красном

Затем по приглашению советского правительства вернулся на родину, но ни разу не вспомнил о родном селе, словно по каким-то причинам отрёшился от него. «Верится в это с трудом. Ведь беспокойная, творческая и любознательная натура композитора вряд ли могла смириться с тем, что целый пласт его жизни навсегда потерян, тот пласт, с которым связано столько дорогих воспоминаний, – пишет Михаил Григорьевич. – Высказываю пусть спорное, но смелое предположение, что свидание с родным селом всё же состоялось, и стало ещё одним болезненным ударом по сердцу композитора. Почему он и умолчал о нём, сделав своей сугубо личной тайной. Он даже скрыл это свидание от своей второй жены – Миры Александровны Мендельсон, которая под диктовку записывала заключительную часть его воспоминаний».

Далее Бабков обосновывает своё смелое предположение: «В предвоенные годы Прокофьев трижды в 1937, 1938 и 1939 годах посещал курорты Кавминвод. Он любил Кавказ, где бывал ещё в юности – перед отъездом за рубеж почти год жил в Кисловодске и много сочинял.

А теперь представим: поезд Москва – Кисловодск вот-вот прибудет на станцию Гришино (ныне г. Покровск, а до 2016-го – г. Красноармейск), пункт во времена детства композитора ближайший к Сонцовке. Прокофьев долго колеблется, но любопытство берёт верх – решение принято. Он высаживается, компостирует билет и затем попутным транспортом добирается до Сонцовки, которое именуется теперь как село Красное. Представим, что погода благоприятствовала ему, была солнечной, сухой. А, возможно, и дождливой...

Тогда по щиколотку в грязи наш путник вышагивает по главной сельской улице до места, где стояла отцовская усадьба. Но что он видит: заросший бурьяном пустырь, кажется, здесь нечто вроде мусорной свалки и никаких следов былого... Да, отец это предчувствовал ещё в 1905-м, когда происходили крестьянские волнения и в его адрес начали сыпаться угрозы. Видимо, позднее многие из них осуществились... (Замечу: усадьба Прокофьевых была разграблена и сожжена в гражданскую войну, скорее всего – махновскими бандами, которые орудовали поблизости.)

Сергей Сергеевич стоял в скорбном молчании, глядя на пустошь, а затем обратил взор в даль, на церковь, в которой он был крещён. Слава богу, она уцелела. Он подошёл к ней поближе. Господи, в каком она ужасном состоянии, захламлена, забита какими-то грязными мешками, поблизости – загон для скота, пасущиеся лошади, кучи смердящего навоза. Где-то здесь захоронены две его сестры,

умершие в младенчестве, и бабушка Анна Васильевна. Но их могилки не видно – сравнялись с землёй и заросли травой... Лицезреть всё это просто не было сил! Бежать, бежать отсюда, ни с кем не встречаясь и никого не расспрашивая... Хорошо, что он посетил родное село инкогнито и не был никем узнан. Правда, некоторые селяне с нескрываемым любопытством взирали на высокого интеллигентного незнакомца в плаще и шляпе, явно приехавшего из города. Видимо, дядька этот – представитель района, а то и области, прибывший для проверки или инструктажа...

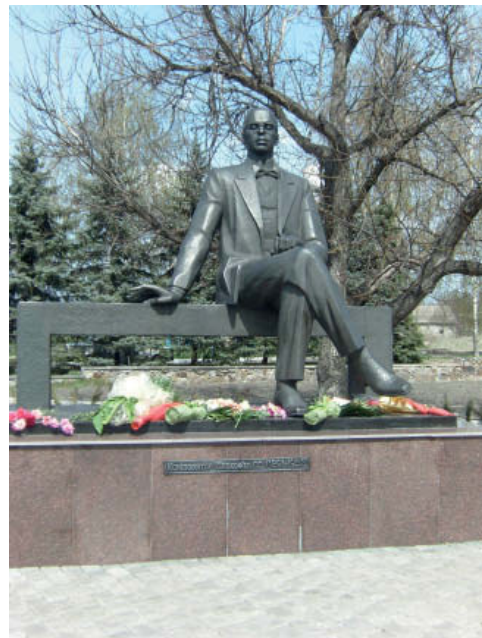
Сергей Сергеевич вернулся на окраину, уговорил проезжавшего мимо колхозника довести за хорошую плату хотя бы до Селидова. Оттуда он потом легко добрался до железнодорожной станции и ближайшим поездом продолжил путь на Кавказ.

Соседи по купе напрасно пытались разговорить мрачного, погружённого в свои мысли пассажира. Только в конце пути он немного пришёл в себя и даже попросил у проводника чаю с печеньем. От стопки “беленькой”, предложенной радушными соседями, отказался, сославшись на большое сердце. А сердце после увиденного, действительно, ещё долго ныло и покалывало».

Далее автор гипотезы сам себе задаёт вопрос: мог ли Прокофьев ездить на курорт в гордом одиночестве? Ведь у него была семья: жена – певица Лина Любера и два сына – Святослав и Олег. Однако есть документальные свидетельства, что на кавказские минводы он приезжал один, так как творческая деятельность требовала уединения, а подводившее здоровье – лечения. К тому же в предвоенные годы у него с женой уже наметился разлад. Так что в его самостоятельной поездке на курорт не было ничего удивительного.

Поэтому смелое предположение Михаила Бабкова о том, что Сергей Прокофьев всё же побывал на малой родине, может вполне иметь под собой реальную почву. Другое дело, что этот спонтанный заезд композитора в Сонцовку напрочь перечеркнул все его радужные детско-юношеские воспоминания о ней. Но такова была суровая действительность того далёкого исторического периода. Другой стала не только Сонцовка, но и вся страна.

Допущение о том, что съездить в Солнцовку композитор мог в последующие годы, и вовсе маловероятно. В этот период он очень много работал: участвовал в постановках балета «Ромео и Джульетта» в Кировском театре оперы и балета (Ленинград) и переработанной им же оперы «Семён Котко» в Театре имени Станиславского (Москва), сочинял музыку к кинофильмам и оперу «Война и мир» по роману Л. Н. Толстого. В 1941 году Прокофьев в составе большой группы деятелей культуры был эвакуирован на Кавказ, а позднее – в столицу Казахстана. В 1944-м по возвращении в Москву композитор работал над музыкой к новому балету «Золушка», в последующие годы написал ряд сонат, Пятую, Шестую и Седьмую симфонии. А год спустя у Прокофьева начались серьёзные проблемы со здоровьем, и из-за плохого самочувствия он вообще редко куда выезжал.

*Памятник великому композитору
Сергею Прокофьеву, с. Красное*